Глава 47

Вэй Цзяо, охваченный паникой и смятением, вдруг отчетливо вспомнил, почему в свое время так и не решился на большее в отношении красавицы Вэй Яхуа. Дело было не в отсутствии влечения — напротив, девушка его очень привлекала, — но рядом с ней всегда, словно тень, присутствовала Цзюнь Вэнь.

Хотя Вэй Яхуа была неизменно вежлива и предупредительна со всеми гостями из Цанлуна, невооруженным глазом было видно, кто ей по-настоящему дорог. Из всей компании детей Цзюнь Вэнь выделялась острым умом; она даже посещала специализированные классы для подготовки к олимпиадам. Вэй Цзяо полагал, что дело не только в природной одаренности — на девочку колоссально давили родители.

Гун Сяоюнь, не достигнув в жизни больших высот, отчаянно надеялась, что дочь «станет фениксом». С малых лет она таскала дочь в художественную школу. Муж же, Цзюнь Мин, будучи высококвалифицированным рабочим, стоял в заводской иерархии выше остальных и, по слухам, ежедневно занимался с девочкой олимпиадными предметами. Цзюнь Вэнь была молчалива и замкнута. Говорили, что она вовсе не хотела ехать в Цанлун, и мать буквально принудила её к этой поездке. Вэй Цзяо и остальные дети за глаза жалели её: они считали, что бедняжка совсем не умеет развлекаться и ведет себя как маленькая старушка. Кто бы мог подумать, что именно она станет лучшей подругой Вэй Яхуа?

Вэй Яхуа полностью оправдывала свое имя — она рисовала так же изящно, как выглядела. С восторгом она показывала гостям свои работы и коллекцию картин. Пока Вэй Цзяо и остальные могли лишь выдавать восторженное «ого!», Цзюнь Вэнь со знанием дела рассуждала о достоинствах полотен. Яхуа, придя в неописуемый восторг, принялась показывать подруге работы, а узнав, что та тоже годами учится живописи, пригласила её рисовать вместе в мастерской. Они пропадали там целыми днями. Если бы Мэй Лисянь не звала их к столу, они бы, наверное, и не вспомнили о голоде.

Цзюнь Вэнь обладала холодным нравом, создавая вокруг себя ауру неприступности. Вэй Цзяо она отталкивала, и из-за этого ему было трудно лишний раз подойти к Яхуа.

Позже, когда у него завязался роман с Яхуа, это произошло во многом потому, что подруга исчезла из её жизни. Раньше Вэй Цзяо никогда не задумывался, почему Вэй Яхуа, приехав в Наньхэ, не искала встречи со старой приятельницей, а довольствовалась общением с ним и Сяо Си. Теперь же, сколько бы он ни размышлял об этом, ответа не находил.

Тем не менее, он твердо стоял на своем: когда Вэй Яхуа позже возвращалась в Наньхэ, она обязана была встретиться с Цзюнь Вэнь.

— Иначе к кому бы она приехала? — твердил он.

Юэ Цянь уточнил:

— После вашего расставания Вэй Яхуа не пыталась связаться с тобой сама?

— Нет, — Вэй Цзяо замялся. — Точно не знаю. Я на глазах у её матери заблокировал все её контакты. Даже если бы она звонила — без толку. Ей, должно быть, тоже знатно влетело.

Эта подростковая интрижка казалась какой-то нелепицей, при условии, что парень не лгал. Похоже, между ними не было глубоких чувств — просто в том возрасте им обоим захотелось совершить нечто дерзкое, наперекор правилам. Но стоило взрослым вмешаться, как они оба отступились, не проявив ни капли сожаления. Юэ Цянь подумал, что даже если бы Чжу Мэйцзюань не приехала лично разгонять этот «пожар», они бы всё равно долго не продержались. Вэй Цзяо был крайне прагматичен в вопросе выбора спутницы жизни: он искал женщину своего круга.

Впрочем, даже выбранную по расчету жену он защитить не сумел.

***

Цзюнь Вэнь снимала квартиру в районе Хуасян. Дом был довольно старым и обветшалым, зато находился совсем рядом с банком, где она раньше работала. Место было хорошим, поэтому аренда стоила недешево. Юэ Цянь заметил её в супермаркете: в маске на лице она неторопливо выбирала замороженные куриные голени и овощи в отделе свежих продуктов. Одета она была просто — свободная футболка и домашние брюки, волосы небрежно собраны в пучок, ни грамма косметики. В этой женщине невозможно было узнать бывшего менеджера по работе с клиентами.

Оплатив покупки, Цзюнь Вэнь медленно побрела к дому, по пути купив у уличной торговки венок из жасмина. Перед самым подъездом она, похоже, наконец почувствовала слежку и обернулась к Юэ Цяню.

Следователь предъявил удостоверение. Реакция Цзюнь Вэнь была сдержанной:

— Чем обязана? Нашли убийцу дядюшки Чжу?

На скамейках у подъезда сидело немало стариков, которые теперь во все глаза пялились на них. Юэ Цянь предложил:

— Здесь не самое подходящее место для разговора. Мы можем подняться к вам?

Собеседница на мгновение замешкалась, но кивнула:

— Если вас не смущает беспорядок.

Это была двухкомнатная квартира в старом доме без лифта. На стенах проступали пятна сырости. Предупреждение о беспорядке не было пустой вежливостью: пол загромождали нераспакованные коробки от посылок, на стульях и диване горой лежала одежда. Цзюнь Вэнь быстро расчистила место, ничуть не смущаясь.

— Живу одна, — бросила она, — церемониться не перед кем.

— И во сколько обходится такая квартира? — Юэ Цянь попытался завязать непринужденную беседу.

— Тысяча восемьсот, — девушка опустилась на стул напротив следователя. — Ничего не поделаешь, такова уж планировка в районе для рабочих лошадок.

Юэ Цянь прищурился:

— Вы ведь уволились из банка еще в прошлом году? Почему не переедете обратно к родителям? Сэкономили бы на аренде.

Цзюнь Вэнь усмехнулась, внимательно изучая лицо следователя. Юэ Цянь выглядел молодо, и в её глазах он, вероятно, казался наивным новичком, еще не успевшим познать все тяготы жизни.

— А вы сами? Живете с родителями или успели обзавестись своим углом?

— Я из деревни, — не моргнув глазом, соврал Юэ Цянь. — Свое жилье мне не по карману, кантуюсь в ведомственном общежитии.

Женщина заметно расслабилась.

— Главное, что крыша над головой есть.

— Тётушка Гун очень по вам скучает, — Юэ Цянь осторожно перевел тему на более опасную территорию. — Мне показалось, она очень хочет, чтобы вы вернулись.

Брови Цзюнь Вэнь тут же сошлись на переносице:

— Она сама вам это сказала?

— Не то чтобы прямо. Просто она пришла на поминки Чжу Цзяньшоу одна. Другие были с детьми, а она — нет. Выглядела она довольно одинокой.

Цзюнь Вэнь лишь тонко улыбнулась:

— Слишком много хлопот. Тем более сейчас, когда я без работы. Дома меня загрызут попреками. Уж лучше я заплачу лишнее, но куплю себе покой.

— И всё же, почему вы уволились? — Раз уж его приняли за неопытного юнца, следовало придерживаться образа «простака».

Она на мгновение задумалась.

— Послушайте, наличие или отсутствие у меня работы как-то связано с делом об убийстве?

— Эх, — Юэ Цянь сконфуженно почесал затылок, — начальство приказало проверить всех подряд. Составляем отчеты, фиксируем каждую мелочь. Я и сам толком не знаю, что спрашивать, но если записи не будут подробными — мне несдобровать.

Цзюнь Вэнь сочувственно вздохнула:

— Тяжелая у вас служба.

— Да ничего, привыкаю, — Юэ Цянь глуповато улыбнулся. — И всё-таки, такая хорошая работа в банке… зачем же было уходить?

Собеседница бросила на него многозначительный взгляд:

— Это часом не мать моя вас подослала с расспросами?

— С чего бы? Мы с тётушкой Гун обсуждали только Чжу Цзяньшоу и Мэй Лисянь. Кстати, вы ведь ездили с ними в Цанлун когда-то?

Она поправила волосы.

— Да. В детстве. Моя первая настоящая поездка.

— Тут такое дело… Начальство сегодня подкинуло еще одну задачу. В Цанлуне сейчас расследуют исчезновение Вэй Яхуа. Вы ведь знали её?

Реакция Цзюнь Вэнь была куда спокойнее, чем у Вэй Цзяо.

— Исчезла? Когда?

— Вы поддерживали связь в последние годы?

— Нет. Как она могла пропасть? Это как-то связано со смертью дядюшки Чжу?

Юэ Цянь горестно покачал головой:

— Разбираемся. Там, в Цанлуне, пока никакой конкретики, зацепок нет, вот и надеются на нас.

Цзюнь Вэнь опустила голову, погрузившись в раздумья.

— Те, кто ездил с вами в Цанлун, говорят, что вы были лучшими подругами, — вбросил следователь.

— Хм? — Она снова вскинула на него взгляд, а затем вдруг холодно и горько рассмеялась. — И что теперь? Решили, что это я приложила руку к её исчезновению?

— Да что вы, вовсе нет! — поспешно замахал руками Юэ Цянь. — Я просто собираю любые сведения о Яхуа. Она ведь приезжала в Наньхэ, вы наверняка виделись?

Цзюнь Вэнь вздохнула.

— Раз уж вы так настойчивы… расскажу, что помню. Не факт, что это поможет делу.

Как и описывал Вэй Цзяо со стороны, Цзюнь Вэнь действительно росла под гнетом непомерных ожиданий. Она не любила рисование и ненавидела олимпиадную математику — всё это было бременем, навязанным родителями. С ранних лет ей вдалбливали в голову: «Только отличная учеба позволит выбиться в люди». И она из кожи вон лезла, чтобы угодить отцу и матери. По иронии судьбы, у неё обнаружился талант к живописи, и еще в начальной школе она завоевала несколько национальных наград.

Именно благодаря этому таланту на неё обратила внимание Вэй Яхуа. Летние дни, проведенные на вилле семьи Вэй, стали для девочки самым ярким воспоминанием в жизни.

— Самым ярким? — переспросил Юэ Цянь.

— Да, — в её голосе зазвучали нотки светлой грусти. — Я ведь тогда жизни не видела. Думала, что рисование — это сидеть в душном классе и копировать мазки учителя. Нас изредка вывозили на этюды, но радости это не приносило.

С Вэй Яхуа всё было иначе. Её личная мастерская походила на парк аттракционов: повсюду лежали альбомы по искусству со всего мира, мольберты и кисти ждали в каждом углу. Учитель

Яхуа рассказывал захватывающие истории о великих мастерах, а уроки проходили в самых необычных местах, пробуждая жажду творчества.

Раньше Цзюнь Вэнь не чувствовала вкуса к искусству. Гун Сяоюнь, боясь, что дочь проиграет в жизненной гонке, настояла на обучении «чему-нибудь возвышенному». Ей было всё равно — рисование её не увлекало, как и всё остальное. Даже награды не приносили счастья. Но рядом с Яхуа она наконец поняла, что искусство может дарить подлинный восторг. Казалось, Вэй Яхуа родилась лишь для того, чтобы впитывать красоту этого мира. Когда Цзюнь Вэнь рассказала ей о своих призах, Яхуа отреагировала так бурно и искренне, что подруга впервые ощутила запоздалую, робкую гордость за свои успехи.

Однако это лето пролетело как бал Золушки. Полгода в сияющем Цанлуне сменились серыми буднями в безрадостном Наньхэ.

Юэ Цянь спросил:

— Что подарила вам Вэй Яхуа на прощание?

— Подарок? — Цзюнь Вэнь на мгновение задумалась. — Коробку акварели. Там было невероятно много цветов, то ли сорок восемь, то ли шестьдесят четыре, уже и не припомню.

— Впечатляюще.

— К тому же, краски были импортные, — она слабо улыбнулась. — Они стоили больше тысячи юаней. Я была в шоке: у моей матери тогда зарплата была едва ли больше тысячи за месяц. Я никогда раньше не видела такого богатства красок.

— Они сохранились?

— О чем вы? Если что-то и осталось, давно засохло.

— Вы их не использовали?

— Именно. Мать запретила мне рисовать.

В детстве материнская логика казалась Цзюнь Вэнь какой-то дьявольской загадкой. Сначала Гун Сяоюнь силой заставляла её учиться живописи. Но когда дочь вернулась из Цанлуна с роскошными красками и горящими глазами, объявив, что хочет стать художницей, отношение матери резко изменилось. Девочка погрузилась в творчество, проводила все вечера и выходные за мольбертом, а в хорошую погоду сама просилась на этюды.

Но однажды Гун Сяоюнь усадила её перед собой для «серьезного разговора». Она объявила,

что занятия у учителя Ли прекращаются и с рисованием покончено. Цзюнь Вэнь была потрясена. На её отчаянное «почему?» мать ответила: живопись — это лишь хобби, а сейчас оно мешает учебе. Оценки по математике поползли вниз, и если так пойдет дальше, о престижной школе можно забыть. Главное — это базовые предметы; без хорошей школы не будет хорошего университета, а значит, и карьеры.

Её едва зародившаяся страсть была грубо растоптана. Лишь повзрослев, женщина поняла: мать не была каким-то загадочным стратегом. Она была просто заурядной, поверхностной и корыстной.

— Вы спрашивали, виделись ли мы позже, — продолжала Цзюнь Вэнь. — Да, виделись. Но у меня совсем не было времени на Яхуа. Мать твердила, что каждую минуту я должна тратить на учебу.

Когда Яхуа приехала в Наньхэ на зимние каникулы, Цзюнь Вэнь была вне себя от радости. Прошлое лето в Цанлуне было незабываемым, и теперь она хотела отплатить подруге тем же. Но когда Мэй Лисянь пригласила её в гости, Гун Сяоюнь ответила за дочь отказом: та, мол, должна посещать курсы подготовки к олимпиадам. Ей не позволили встретиться с подругой. Все каникулы она металась между курсами математики и английского. В конце концов, Яхуа сама разыскала её у учебного центра, чтобы повидаться перед самым отъездом в Цанлун.

Яхуа, привыкшая получать всё по первому требованию, была страшно разгневана тем, что подруга не находит на неё времени. Цзюнь Вэнь не знала, как оправдаться. На свои скромные карманные деньги она купила для гостьи порцию уличной лапши — «лянмянь». К её удивлению, гордая принцесса мгновенно сменила гнев на милость. С набитым ртом она весело расспрашивала, что нового нарисовала подруга и не закончились ли краски — Яхуа привезла ей огромный набор, ради которого пришлось брать лишний чемодан. Когда та потянула её к дому Мэй Лисянь за подарком, Цзюнь Вэнь опустила голову и призналась, что больше не рисует.

Даже когда она попыталась объяснить причины, Яхуа не поняла. Напротив, она обвинила подругу в бесхребетности. Вэй Яхуа, которая так легко простила отказ от прогулок ради тарелки лапши, не смогла простить отказ от мечты. Она ушла, кипя от негодования.

В тот день Цзюнь Вэнь отчетливо осознала пропасть между ними. Люди из разных миров живут в разных измерениях, и их пути не могут пересекаться долго.

В последующие годы Яхуа продолжала приезжать, но теперь Цзюнь Вэнь была для неё лишь «старой знакомой». В последний раз они виделись после окончания школы. Яхуа собиралась уезжать за границу и пригласила её на спокойный прощальный ужин.

Тогдашняя Яхуа уже мало походила на ту импульсивную девочку. Глядя на неё, подруга подумала о слове «леди». Красивая, элегантная, с неброскими, но дорогими украшениями. Она больше не спрашивала: «Почему ты бросила рисовать?» Вместо этого она непринужденно рассуждала о своих планах. Она уезжала в Европу продолжать образование и вряд ли когда-

нибудь снова вернулась бы в Наньхэ.

Позже Цзюнь Вэнь поступила на финансовый факультет — специальность, которая в глазах её матери гарантировала большие деньги. В её жизни не осталось места искусству. Вэй Яхуа превратилась в далекий призрачный образ, в картинку за матовым стеклом.

Закончив рассказ, Цзюнь Вэнь надолго замолчала. Глубоко вздохнув, она добавила:

— Вот и всё, что я знаю о Вэй Яхуа. Понятия не имею, почему она исчезла. Наше знакомство было мимолетным, и мы давно перестали быть друзьями.

Юэ Цянь спросил:

— Почему тётушка Гун решила, что на финансах можно заработать миллионы?

Цзюнь Вэнь уже привыкла к манере следователя перескакивать с темы на тему.

— Деньги всегда рядом, — усмехнулась она. — К тому же Чжу Таотао учился на том же факультете. Хех, только вот Таотао зашибает деньги вовсе не благодаря диплому финансиста.

— М-м?

— Когда Чжу Таотао пришел в брокерскую контору, у него сразу был наставник и мощная финансовая поддержка. Думаете, дело в его талантах? Нет, дело в его тётушках. Богатые всегда делают деньги, а бедняки обречены быть рабочим скотом.

Юэ Цянь подытожил:

— Поэтому вы продержались всего несколько лет и уволились?

Наконец они вернулись к первому вопросу. Цзюнь Вэнь устало покачала головой:

— Я слишком вымоталась. Всю жизнь я была «хорошей девочкой». Училась тому, чему велели родители, никогда не позволяла себе вольностей, никогда не слушала свое сердце. В прошлом году я вдруг подумала: если я сейчас умру, моя жизнь покажется мне постыдно никчемной. Мне захотелось сорваться с цепи. И первым делом я швырнула заявление об уходе на стол.

Глядя на неё, Юэ Цянь невольно вспомнил Чжу Мэйсинь. Та говорила почти те же слова — когда человек долго подавляет себя, ростки бунта рано или поздно пробиваются наружу. В этом они были удивительно похожи.

— Дома, должно быть, был грандиозный скандал, — заметил следователь.

— Теперь вы понимаете, почему я готова платить любые деньги, лишь бы не возвращаться под родительское крыло? — Цзюнь Вэнь грустно улыбнулась. — Жизнь не так уж длинна, и я больше не желаю видеть вечно недовольное лицо матери.

***

Хотя поиски должников Чжу Цзяньшоу среди рабочих шли туго, Отдел по расследованию тяжких преступлений наткнулся на другую зацепку: оказалось, Цзяньшоу и Мэй Лисянь в свое время активно подбивали коллег играть на бирже.

Тогда лихорадка фондового рынка только начала охватывать народ. Новости о людях, в одночасье ставших миллионерами, кружили головы простым работягам, жившим на копеечную зарплату. Судостроительный завод стремительно катился под откос, и все понимали — крах неизбежен. Людьми владела тревога; и те, кто уже потерял работу, и те, кто еще держался, лихорадочно искали способ подзаработать. Глядя на то, как дельцы загребают золото на акциях, рабочие завидовали, но боялись — дело было новое, неведомое.

Первым на заводе играть на бирже начал Чжу Цзяньшоу. У него водились свободные деньги, да и три его сестры вовсю крутились в этой сфере. Благодаря их связям и «инсайдам» от брокеров, любая акция, которую покупал Цзяньшоу, неизменно взлетала в цене. Видя, как он богатеет на глазах, рабочие не выдержали. Один за другим они потянулись к нему с мольбами: «Научи, на чем можно навариться?»

Он ничего не скрывал. Что покупал сам, то советовал и остальным. Но у него был солидный капитал, и прибыли были соответствующими. У рабочих же за душой было по паре тысяч юаней, в лучшем случае — десятка. Этих крох хватало лишь на то, чтобы заработать на прибавку к ужину.

Вскоре биржевой лихорадкой заболел весь завод. Получив первую небольшую прибыль, люди поверили в свою удачливость. Самые отчаянные начали вкладывать всё, что было накоплено на жилье, на «черный день» и на свадьбы детей. С замиранием сердца они ежедневно следили за табло с котировками.

Поначалу «бычий рынок» благоволил всем. Каждый оставался в плюсе, и Чжу Цзяньшоу превратился в глазах толпы в настоящего героя, ведущего народ к процветанию. Едва ли на заводе нашелся бы хоть один акционер, который не пользовался бы его «наводками». Но белая полоса закончилась. Вложения самого Цзяньшоу начали приносить убытки. Самые осторожные почуяли неладное и, невзирая на насмешки, вывели деньги. Они успели заработать раньше, так что небольшой минус не сделал им погоды.

Однако большинство, включая самого Цзяньшоу, сочли это досадной заминкой. Заводчане были заядлыми игроками в маджонг и прекрасно знали: за проигрышем всегда следует выигрыш. Подумаешь, немного просели — надо играть дальше, и всё вернется сторицей.

Он исправно делился добытыми сведениями, но рынок лихорадило. Убытки начали перекрывать прибыли. Доверие к нему пошатнулось. К тому времени многие рабочие уже набрались опыта, научились сами анализировать графики и следить за политикой. Некоторым из них действительно удавалось сорвать куш благодаря собственной хватке. Старый Чжу постепенно терял влияние.

А затем пришел «медвежий рынок». Теперь все — и Чжу Цзяньшоу, и мнимые знатоки биржи — летели в пропасть. Те, кто успел вовремя зафиксировать убытки, сохранили хоть что-то из прошлых заработков. Те же, кто верил, что рынок вот-вот оттолкнется от дна, до сих пор «висят» в своих акциях, которые не стоят и бумаги, на которой напечатаны.

Старик Чжан, который с самого начала следовал советам Цзяньшоу, вспоминал, что тот вышел из игры довольно рано и отделался сравнительно легко. Более того, он не спасался в одиночку — одно время он каждому встречному твердил: «Продавайте немедля! Лучше потерять часть сейчас, чем всё потом». Но поскольку его советам больше не доверяли, рабочие лишь отмахивались. Многие и вовсе решили, что Чжу Цзяньшоу намеренно сеет панику и распространяет дезинформацию.

Самым популярным слухом на заводе тогда был такой: он пожалел, что помог всем разбогатеть. Раньше богачом был он один, а теперь все нажились на акциях. Вот у него, мол, и взыграла зависть, и он хочет заставить людей лишиться заработанного.

Но старик Чжан думал иначе. В его глазах Цзяньшоу был человеком тщеславным, но не злым, зла другим он не желал. К тому же Чжан своими глазами видел, как тот фиксирует убытки, поэтому, сцепив зубы, последовал его примеру.

Рынок рухнул, похоронив под собой надежды тысяч людей. Многие рабочие остались ни с чем. Над судостроительным заводом нависла тень отчаяния; рушились семьи, люди оказывались на улице. Но винить Цзяньшоу было не за что: когда дела шли в гору, его сведения были точны, и когда пришло время бежать — он тоже не лгал. Обнищавшие рабочие могли винить только собственную жадность.

Вскоре семья Чжу переехала. Пыл заводских инвесторов остыл вместе с затянувшимся кризисом. Сегодня о тех временах вспоминают редко. Лишь немногие до сих пор время от времени заглядывают в свои пустые счета, гадая, не вырастут ли акции когда-нибудь снова.

Крах на бирже казался Юэ Цяню событием колоссального масштаба, но во время предварительных опросов о нем не обмолвился ни один человек. Ни рабочие, ни Чжу Таотао, ни сестры Чжу — все словно вычеркнули этот горький урок из памяти. Если бы Отдел по расследованию тяжких преступлений не начал целенаправленно расспрашивать о долгах, наводя людей на воспоминания, об этой главе жизни завода никто бы и не вспомнил.

Юэ Цянь, выросший под крылом Нин Циня, вполне мог сойти за изнеженного молодого господина, не знающего нужды. Но он прекрасно понимал цену деньгам.

«Неужели среди всех этих людей действительно не нашлось никого, кто затаил бы на Чжу Цзяньшоу смертельную обиду за такие потери?»

Он не раз сталкивался с людьми, которых нищета доводила до безумия. Поставив себя на место рабочих, он не мог поверить в безмятежное «кто старое помянет…».

— Как ни крути, именно Чжу Цзяньшоу открыл для них двери в этот ад, — рассуждал Юэ Цянь. — Он был богат, вкладывал огромные суммы, и под его влиянием люди, которые раньше рискнули бы парой тысяч, выгребали все заначки, занимали у родни и несли на биржу вдвое больше. В итоге — ни денег, ни работы на тонущем заводе. Когда на столе не остается даже хлеба, много ли в человеке сохраняется рассудка? Станет ли он вспоминать, что «старина Чжу нас предупреждал, мы сами виноваты»?

Е Бо погрузился в тягостное раздумье.

— Цянь-цзы, в твоей семье кто-нибудь играл на бирже?

— У меня только дед, — отозвался Юэ Цянь. — Он полжизни помощником в полиции прослужил, не до акций ему было.

— А у меня и родители, и другие родственники вляпались. Как раз в то время, — лицо Е Бо помрачнело. Его родители были интеллигентами, в семье царил мир и достаток, все были людьми разумными. И всё же биржа едва не развалила их дом.

Сначала родители вложили небольшую сумму для интереса. Получив прибыль, они вошли во вкус. Им тоже достался верный инсайд, и они вложили почти всё, что было. Итог был тот же, что и у миллионов сограждан: либо резать по живому и фиксировать убытки, либо идти по миру. Родители годами обвиняли друг друга, а с родственником, принесшим ту злосчастную наводку, разругались вдрызг и больше никогда не общались.

— Моя семья не оказалась на улице, со временем всё улеглось, — продолжал Е Бо. — Но даже они, понимая умом, что виноваты сами, в глубине души до сих пор ненавидят того, кто втянул их в это дело. Линию с акциями нужно копать до самого дна.

Первым делом Юэ Цянь подумал о Чжу Таотао. Связь семьи Чжу с брокерскими кругами была более чем тесной — парня пристроили в контору сразу после университета. Следователь перехватил Чжу Таотао у машины. Тот опустил голову, делая вид, что не замечает полицию.

— История о том, как ваш отец приучал завод к бирже… почему я слышу о ней только сейчас? — Юэ Цянь преградил ему путь.

http://bllate.org/book/15837/1441663